

Возможно, это восстание было несколько неожиданным. После той ночи Чу Фэнцин не видел Чжао Июя несколько дней.

Хотя он был в глубоком дворце, он иногда мог слышать, как евнухи и дворцовые служанки сплетничают снаружи.

Например, куда сегодня напал князь Усянь, какой город они снова разграбили, какой генерал при дворе пошёл воевать, что государственная казна пуста и обычное серебро во дворце, возможно, придётся урезать. Все знали лишь однобокие новости, и передавались всевозможные возмутительные замечания.

Однако единственное, в чём все были уверены, — это то, что у князя Басяня был могущественный генерал под командованием. Именно благодаря ему они проходили одно испытание за другим и атаковали столицу. Когда спрашивали его имя, никто не мог его толком произнести. Чу Фэнцин слышал это несколько раз, но тоже не придавал особого значения.

Той ночью Чжао Июй был занят до очень позднего часа. Доклады на столе были сложены высоко. Это были те, что прошли отбор. Он потёр свой ноющий висок и заметил три слова «Цзи Юйцзинь» на докладе. Его глаза потемнели.

Серебряная монета в его руке начала нагреваться, так сильно, что он едва мог её держать.

Он знал причину восстания Цзи Юйцзиня, и даже его Пятый дядя поднял мятеж под влиянием этого человека. Временами он не мог не задаваться вопросом: стоило ли оно того, всё ради мужчины? Было ли необходимо ставить под удар все годы его сдержанности и упорного труда?

Евнух Цянь, прислуживавший Чжао Июю, имел острые глаза и подмигнул служанке снаружи. Служанка подошла с чашкой женьшеневого чая. Евнух Цянь взял чай и направился к месту Чжао Июя:

— Ваше Величество, пожалуйста, обратите внимание на драконье тело.

Чжао Июй закрыл письмо в своей руке, взял женьшеневый чай со стола и сделал глоток, затем поднял взгляд на луну, которая уже поднялась в небо.

Глаза евнуха Цяня закатились, и он спустился вниз нетвёрдыми шагами. Через некоторое время он принёс поднос. На подносе было несколько нефритовых табличек с именами, и выгравированные на них имена, естественно, принадлежали наложницам различных дворцов.

Евнух Цянь:

— Ваше Величество, уже поздно, ложитесь спать пораньше, пожалуйста, берегите себя.

Чжао Июй поджал губы. Ярко-жёлтое драконье одеяние выглядело очень величественно. Он поставил чашку на стол и взглянул на поднос.

Два слова «Наложница Чу» вдруг попались ему на глаза, и его зрачки слегка сузились, словно он не понимал, почему его имя там было.

Он поднял глаза и взглянул на евнуха Цяня, который улыбался. Он это устроил. Кто ещё в этом дворце не знает, что император питает глубокие чувства к той, что во дворце Чэнь? Но он всё ещё немного боялся действовать самостоятельно. В этот миг его сердце билось быстрее всего.

Чжао Июй закрыл глаза и не рассердился. Он долго смотрел на имя на подносе, не протягивая руки. Казалось, он не мог сделать этот последний шаг в своём сердце. Он и впрямь был заинтересован в Чу Фэнцине, но мог ли он и впрямь сделать это?

Он не был уверен. Спустя долгое время он наконец протянул руку и указал на табличку. Евнух Цянь обрадовался. Он указал на табличку Чу Фэнцина. Он уже собирался перевернуть табличку, но в следующий миг его остановили. Чжао Июй махнул рукой, его лицо помрачнело:

— Какой сегодня день?

Евнух Цянь посмотрел на его выражение, его сердце пропустило удар, он сглотнул и осторожно сказал:

— Ваше Величество, сегодня 14 апреля.

Чжао Июй:

— Ещё шесть дней.

Он слегка нахмурился и протянул руку, чтобы перевернуть табличку императрицы:

— Отойди.

Евнух Цянь:

— Да.

Ему также нужно было послать кого-то во дворец императрицы, чтобы сообщить ей и попросить её сделать приготовления. Однако он чувствовал некоторое недоумение, не уверенный в том, что император имел в виду под шестью днями, о которых он только что говорил.

Выйдя из зала, он передал поднос евнуху рядом с собой и, глядя на красные фонари, висящие под карнизами, вдруг вспомнил, что осталось всего шесть дней до церемонии возведения Наложницы Чу в ранг императорской наложницы.

Он слегка опешил. Император всё ещё заботился об этом деле, было ясно, что он принял его близко к сердцу. Казалось, завтра нужно будет послать несколько хороших подарков и напомнить своим подчинённым быть осторожными в служении ему.

Чу Фэнцин чувствовал, что его настроение стало гораздо лучше после того, как он не видел Чжао Июя несколько дней. Однако хорошее настроение не сильно помогало его болезни. Болезнь всё ещё была здесь, и тот факт, что она становилась всё хуже, тоже был реальностью. Императорскому лекарю приходилось бегать к Чжао Июю несколько раз в день, боясь, что тот умрёт в следующий миг.

Чу Фэнцин всё ещё не был уверен, выживет он или нет; просто решающее время для приёма лекарства его учителя наступило, и его пульс стал пугающе слабым.

Это заставило Чжао Июя, который давно не появлялся, прибежать. Чу Фэнцин притворился спящим и проигнорировал его. Он слышал, как императорский лекарь шептал Чжао Июю, чтобы тот держал его в хорошем настроении. Если у него не будет воли к жизни, это будет бесполезно, даже если придёт Золотой Бессмертный.

После ухода императорских лекарей Чжао Июю подошёл к нему и стоял там, тихо глядя на него, пока Чу Фэнцин не открыл глаза от дискомфорта.

Они посмотрели друг на друга, и Чжао Июю спросил:

— Как я могу сделать тебя счастливым?

Чу Фэнцин: «.....» Нужно ли задавать такой очевидный вопрос?

Чжао Июю:

— Кроме того, чтобы отпустить тебя.

Он изогнул нижнюю губу в самоиронии:

— Знаешь ли ты, сколько я заплатил за тебя? Так что, Чу Фэнцин, можешь ли ты тоже посмотреть на меня?

Чу Фэнцин поджал губы. Он запер его, и он ещё должен его благодарить?

Его слова почти заставили Чу Фэнцина рассмеяться:

— Если так, то нет.

Они расстались недовольными.

Прошёл ещё один день, и он лежал на кресле-качалке под цветами дикой яблони. Яблони были в полном цвету в апреле, и они были самыми красивыми в столице.

Кресло-качалка слегка покачивалось, и вскоре цветы яблони упали на его белую одежду, красиво украшая её.

Чу Фэнцин закрыл глаза, чувствуя сонливость.

Пока он был в лёгком сне, солнечный свет перед ним вдруг был заблокирован, и он медленно открыл глаза.

Ли Юй улыбнулся ему, но улыбка не достигла его глаз:

— Брат Чу, давно не виделись.

Он присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с Чу Фэнцином, глядя на бледное лицо Чу Фэнцина, и след печали промелькнул в его глазах.

Чу Фэнцин слегка опешил. Ли Юй сильно изменился. Его изначальное детское лицо стало гораздо худее, линия челюсти стала чётче, и он выглядел очень красивым и зрелым.

— Почему ты здесь?

Ли Юй:

— Ты не знаешь, сколько усилий я приложил, чтобы увидеть тебя. Я даже использовал лицо своего отца.

Чу Фэнцин был позабавлен его преувеличенным тоном и слегка изогнул глаза:

— Ты такой непочтительный.

— Ничего. Мой отец тоже каждый день называет меня ублюдком.

Чу Фэнцин: «.....»

На мгновение он не знал, сказать ли, что это семейная традиция была суровой, или...

Ли Юй и Чу Фэнцин поболтали немного, когда евнух подошёл, чтобы поторопить его уйти. Он посмотрел на угол неподалёку, слегка нахмурился, мгновение колебался, а затем снова улыбнулся:

— Брат Чу, на самом деле Его Величество сказал, что ты в плохом настроении, поэтому он позволил мне прийти и увидеться с тобой.

Он помедлил и сказал:

— Брат Чу, расслабься и не будь суров к себе. Здоровье — самое важное. К тому же время скоро наступит. Ты скоро выйдешь замуж за Его Величество.

С этими словами его глаза немного расширились, когда он уставился на Чу Фэнцина, и он повторил:

— Очень скоро.

Чу Фэнцин на мгновение опешил, затем через мгновение кивнул.

Ли Юй мгновенно вздохнул с облегчением. Хорошо, что Чу Фэнцин понял.

В день церемонии возведения время, рассчитанное Императорской астрономической обсерваторией, было очень ранним. Чжао Июй боялся, что Чу Фэнцин не отдохнёт достаточно, поэтому одним росчерком кисти перенёс время на полдень.

Чу Фэнцина заставили переодеться в чрезвычайно великолепное императорское платье и сделать женскую причёску, с кучей шпилек и аксессуаров на голове. После того как он переоделся и причёсился, дворцовые служанки удалились, оставив лишь нескольких, чтобы заботиться о нём, пока он сидел в зале и ждал.

Погода в тот день была очень плохой. Облака в небе давили на город, и казалось, что он вот-вот рухнет. Тёмные тучи клубились, и надвигался ливень.

Люди в Императорской астрономической обсерватории были так напуганы, что обильно потели, и молились, чтобы сильный дождь подождал, пока церемония закончится, прежде чем обрушиться.

Вот только церемония, конечно, не могла продолжаться.

Чжао Июй, тоже одетый в великолепные одежды, прибыл на место церемонии первым.

— Полдень настал!

Когда пронзительный и протяжный голос евнуха замолкает, должно наступить время для входа новой наложницы.

Все с нетерпением ждали, но никто не видел той фигуры.

«Бум»!

Громкий раскат грома испугал всех, и под ужаснувшимися взглядами всех зал вдруг загорелся, начиная с зала, где проводилась церемония. Пламя мгновенно осветило глаза всех красным.

— Пожар!

— Защищайте Его Величество!

В то же время несколько дворцов тоже загорелись, и весь дворец был в хаосе.

В хаосе Чжао Июй стоял на самой высокой точке зала, заложив руки за спину. Ярко-жёлтый наряд был его самым торжественным одеянием, которое он надевал только в самые важные дни.

Глядя на медленно горящий огонь, он был очень спокоен, слегка улыбнулся и поднял глаза, чтобы посмотреть на место, где должна была войти невеста, но всё ещё не видел его.

Всё ещё... он больше не может ждать.

Дворец Чэнь.

Чу Фэнцин использовал платок, чтобы стереть бальзам для губ со своих губ. Его губы были слишком белыми, и подружка невесты настаивала, чтобы он нанёс немного, чтобы они выглядели более энергичными, но ему не нравилось липкое ощущение.

— Не стирай, тебе идёт.

Прозвучал несколько хриплый голос с беззаботным тоном. Чу Фэнцин поднял глаза и увидел Цзи Юйцзиня в красной одежде, с яростным блеском в глазах, но его губы были изогнуты, словно он боялся напугать его.

Он улыбнулся и протянул руку, чтобы снять шпильки с головы Чу Фэнцина. Без поддержки чёрные как смоль волосы упали на одно плечо:

— Это выглядит некрасиво.

— Цзи Юйцзинь.

— Да.

Цзи Юйцзинь посмотрел вниз на Чу Фэнцина, их взгляды встретились, затем он нежно прикрыл глаза Чу Фэнцина, беспокоясь, что его собственный взгляд мог быть немного пугающим.

Затем он прошептал:

— Я здесь.

Чу Фэнцин убрал его руку и пристально посмотрел в его глаза, совсем не боясь. Возможно, из-за всего пережитого, или потому что он увидел беспокойство Цзи Юйцзиня, он изогнул глаза и сказал:

— Цзи Юйцзинь, говорил ли я тебе когда-нибудь, что я влюблён в тебя, только в тебя?

Дыхание Цзи Юйцзиня слегка перехватило, и его глаза покрасневшие глаза заблестели. Среди свадебного ярко красного, когда оба были одеты в красное, он больше не сдерживался и наклонился, чтобы прижать свои губы к губам Чу Фэнцина.

Я так сказал, поэтому я пришёл жениться на тебе.

Иначе кто бы стал носить ярко-красное, когда грабит кого-то?

<http://bllate.org/book/17231/1657680>